

ЯКОВ ГОРДИН

Черкесия - "Кавказская Атлантида"

версия для печати (51164)

« < — > »

И с этим злом, веками освященным,

Ужасным, тело свыклося мое;

А из него от солнечного жара

Сочатся капли крови постоянно

И на скалы Кавказа упадают.

Эсхил

В декабре 2006 года по приглашению члена Совета Федерации от республики Адыгея Вячеслава Николаевича Шверикаса я оказался в Майкопе, столице республики. То, что я пишу, — не журналистский очерк, и поэтому я не буду рассказывать о подробностях моего пребывания в Адыгее, где было много замечательного, а остановлюсь на том лишь, что имеет прямое отношение к судьбе “Кавказской Атлантиды”.

На следующий день по приезде мы вместе с Вячеславом Николаевичем и двумя его помощниками Айдамиром и Муратом встретились с активистами общественной организации “Черкесский конгресс”, организации умеренной, но упорной в достижении своих целей. А главная цель — добиться от федеральной власти признания геноцида черкесского народа в XIX веке.

В газете, издаваемой “Конгрессом”, в январе 2007 года появилась запись нашего разговора. Как всякий текст, снятый с магнитофона, она, конечно, несколько условна, но основное содержание разговора передает совершенно точно. Чтобы не пересказывать эту важную беседу словами, привожу эту запись.

Яков Гордин: Мне хотелось бы сегодня больше слушать, чем говорить. Помимо истории, мне важно и интересно знать о том, что сегодня происходит на Кавказе, как говорится, из первых рук. Поэтому я очень благодарен тем, кто устроил мой приезд в Адыгею.

Мурат Берзегов: Ваш приезд для нас тоже очень важен. Мы знаем вас как специалиста в истории Кавказа, что сегодня, к сожалению, большая редкость. Освещение русско-кавказской войны в исследованиях большинства так называемых ученых представляет собой помесь сказок, научной фантастики и подтасовки фактов. То же касается и интерпретации сегодняшних событий на Кавказе. На адыгской земле ставятся памятники генералам, уничтожавшим наш народ, например генералу Зассу, который коллекционировал головы черкесов. Адыги разделены на своей исторической территории и проживают в пяти субъектах, за рубежом адыгская диаспора насчитывает около четырех миллионов человек, проживающих в пятидесяти странах. Это не соответствует ни российским законам, ни международному праву. Мы ищем решение этой проблемы: как предотвратить ассимиляцию черкесов в странах проживания, объединить этнос на исторической территории. Многие аналитики преподносят это как намерение черкесов, воссоединившись, выйти из состава России. Что не соответствует истине. Но мы не в

состоянии заглушить эти голоса. Иногда читаем в уважаемых российских изданиях, что черкесы, кабардинцы и адыги — это, оказывается, разные народы. Таким “аналитикам” очень трудно что-либо объяснить.

Сегодня к решению черкесской проблемы подключается молодое поколение. В каждой стране подходы к этому вопросу разные. Например, в Турции, которая стремится в Европейский союз, сняли запрет с изучения черкесского языка. События тринадцатого октября две тысячи пятого в Нальчике² — тоже форма решения назревшей проблемы. Но мы считаем, что этот путь губителен для адыгов. Черкесский конгресс выбрал правовой путь — признание геноцида черкесов со стороны Российского государства в девятнадцатом веке. Мы действуем в рамках российского и международного законодательства, понимая, что это займет больше времени, и не требуем немедленного решения вопроса. Мы готовы работать в этом направлении и ждать... лишь бы был результат.

Россия должна понять, что Кавказ — единый организм. К примеру, нельзя решать абхазский вопрос в отрыве от черкесского. Это ошибочный подход. Проявляя интерес и предлагая помощь в решении абхазского вопроса, Россия демонстративно игнорирует черкесов. Мы отправляли обращение о признании геноцида в Госдуму России. Нам пришел весьма странный ответ. Мы задавали вопрос о геноциде девятнадцатого века, нам отвечают, что в списке репрессированных в советское время народов черкесов нет. Обратились к Президенту России В. Путину. Ответа не последовало. После этого, в октябре две тысячи шестого года, двадцать черкесских организаций девяти стран мира обратились в Европарламент. Многие стали упрекать нас в том, что мы не были достаточно настойчивы в решении вопроса внутри России. Мы направили повторное обращение Президенту России.

Яков Гордин: Под геноцидом вы имеете в виду физическое уничтожение в ходе военных действий или депортацию адыгов с Кавказа?

Мурат Берзегов: Международное право подразумевает под геноцидом и физическое уничтожение, и насильственную депортацию, и создание условий, при которых в ходе депортации произошла массовая гибель мирного населения. Черкесы — коренной народ Кавказа и имеют полное право жить на своей исторической родине. Мы хотим, чтобы этот вопрос решила Россия. Черкесы имели много возможностей создать свое государство, в Иордании например, в Турции... Если допустить, что сюда вернется миллион черкесов, то свои амбиции они не смогут реализовать в Черкесии, им нужна Россия. А России нужен черкесский потенциал. Мы никак не можем донести, что цели создания самостоятельного государства Черкесия нет.

В изгнании находится около четырех миллионов черкесов. Это по меньшей мере странно сочетается с демократическим курсом, провозглашенным Россией.

Яков Гордин: Как вы территориально представляете себе возвращение черкесов?

Мурат Берзегов: Черкесы могут вернуться на ту территорию, которую покинули их предки. Если бы нас на Кавказе было три миллиона, нам бы не грозило исчезновение и ассимиляция и, как следствие, нас в меньшей степени интересовал бы вопрос статуса.

Яков Гордин: А диаспора готова вернуться на историческую родину?

Мурат Берзегов: Не вся, конечно. По нашим данным, этническими адыгами себя осознают около четырех миллионов, это и адыги от смешанных браков, владеющие и не владеющие родным языком, и т. д. Самая многочисленная диаспора проживает в Турции — почти три миллиона человек в девятистах населенных пунктах. Семьдесят процентов из них живут на плохих землях и с радостью вернутся, если Россия обеспечит обустройство и российское гражданство. На таких условиях, по нашим подсчетам, вернуться готовы восемьдесят процентов адыгов. Конечно, те, кто хорошо устроен, имеет бизнес на территории зарубежного государства (это около двух процентов), навряд ли захотят все бросить, но они готовы помочь в переселении другим.

Яков Гордин: На какую конкретно территорию они будут возвращаться?

Мурат Берзегов: Шапсугов в степь, конечно, не поселишь. Их традиционные места проживания — высокогорье, побережье. Они и в Турции живут в сходных климатических условиях. По возвращении они могли бы жить на своей исконной земле, в нынешнем Краснодарском крае. Там же заселена только узкая полоса вдоль побережья, а шапсуги до выселения жили не только на побережье, но и в горах.

В период русско-кавказской войны вдоль реки Курджипс были уничтожены сто пятьдесят аулов, сегодня там не более десяти населенных пунктов. Хадыженский, Апшеронский районы Краснодарского края перенаселенными тоже не назовешь... Как видите, места много, безболезненно можно вернуться, никого не потеснив. Единственная проблема — обустройство, своими силами, без России, ее, конечно, не решить. Мы готовы работать по схеме, выгодной для России, и не требуем сиюминутных результатов. Но процесс нужно запустить.

Яков Гордин: Хотел бы увидеть ваш проект в систематизированном виде. Надо проработать все конструктивные идеи. Нужно их пропагандировать, обсуждать. Я могу в этом помочь...

Вячеслав Шверикас: Может, власть отпугивает сама постановка вопроса? Геноцид...

Мурат Берзегов: В девяносто пятом Россия признала геноцид армян. Сама участвовала в разработке закона о геноциде, ратифицировала все связанные с этим вопросом международные акты.

Мы собрали достаточный архив документов. Менее восьми процентов коренного населения осталось на исторической родине, остальные либо уничтожены, либо выселены. Подскажите, каким другим термином можно назвать то, что произошло с черкесами?

Яков Гордин: Судьба адыгов действительно глубоко трагична и существенно отличается от судьбы других народов Кавказа. Обезлюдил ведь именно Западный Кавказ. Меня давно интересует этот аспект: война шла на всем Кавказе, а больше всех пострадали именно черкесы.

Как мне кажется, к признанию данной трагедии нужно идти постепенно, нужна серия аналитических публикаций. На эфиры центрального телевидения рассчитывать не приходится. Журнал “Звезда” хоть и малотиражный, но идет во все крупные библиотеки мира. Я готов с вашей помощью поднять этот вопрос. Но это должен быть постепенный процесс...

Мурад Берзегов: В мире нет ни одного народа с судьбой, похожей на судьбу черкесов. Если мы не будем говорить, этот вопрос поднимет диаспора, что не совсем выгодно для России.

Яков Гордин: Черкесам тоже выгоднее решить этот вопрос в России... Не пойму, ну хорошо, признали геноцид. Как сегодняшняя Россия от этого страдает? Никто ж не винит в этом Путина.

Мурад Берзегов: Процесс надо запустить. За один-два года мы этот вопрос не решим. Пока мы выжидали, за последние семь лет на побережье Черного моря поселились около двух миллионов неграждан России, у которых есть свои национальные образования или государства. Бывшие граждане СССР сразу получают гражданство. А черкесы приезжают как иностранцы и пять лет ждут гражданства. Эти противоречия обостряются с каждым днем. У всех народов есть права, и только черкесы на протяжении всей истории — вне правового поля. Ни при царе, ни в СССР, ни в Российской Федерации никто не хочет заниматься решением черкесского вопроса. Репрессированные в советское время народы восстановлены в своих правах — чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы и другие народы благодаря государственной программе субсидирования смогли вернуться на свою историческую территорию и существуют сегодня как единые этносы.

Яков Гордин: Думаю, что возвращенные черкесы будут благодарны России за вновь обретенную историческую родину. Этот шаг со стороны России станет примером для всего мира, но решение о признании геноцида должно быть подготовлено, информация должна внедряться в общественное сознание постепенно. Российское общество плохо себе представляет, что произошло с адыгами. Кавказская война как была, так и остается “неизвестной”. В конце девятнадцатого века на лекциях в Петербургском университете просвещенная публика с удивлением узнала, что каких-то тридцать лет назад на Кавказе полыхало пламя. В самой первой книге о Кавказской войне генерал Фадеев писал, что “наше общество не представляет себе, ради чего приносились такие жертвы”.

Я считаю, что просто обращение к власти с тяжелым, невыгодным для нее проектом — тактически не совсем верное решение. Это очень хлопотное и затратное дело. Чтобы преодолеть такое отношение, необходимо в обществе создать соответствующую информационную атмосферу.

Мурад Берзегов: Проблема эта существует уже больше ста сорока лет, идет активная ассимиляция черкесов в странах их проживания, и чрезмерно затягивать решение черкесского вопроса нецелесообразно.

Мы торопимся еще и потому, что политическая ситуация на Кавказе накаляется. Если мы не найдем понимания в России и мире, появятся силы, которые воспользуются национальной идеей черкесов. Когда я предупреждаю о таком возможном развитии ситуации, меня обвиняют в экстремизме. Но какой смысл закрывать глаза на очевидное? Я за полгода до трагических событий в Нальчике прогнозировал такое развитие ситуации, но меня никто не слушал. Семьсот тысяч черкесов живут в России, около четырех миллионов — за рубежом. Весь этот потенциал Россия может привлечь на свою сторону.

Добиться признания геноцида и, соответственно, как считают активисты “Черкесского конгресса”, дать возможность если не миллионам, то сотням тысяч адыгов вернуться на родину — не политическая задача, но жизненный императив для людей, с которыми я разговаривал.

Какова же была историческая реальность и сопутствующая ей мифология, на которую опираются мои собеседники?

“Кавказская Атлантида” — предложенный мной термин пришелся по вкусу моим собеседникам. Думаю, что в этом словосочетании есть смысл. Помимо всего прочего, от него тянутся нити к античному миру, в мифологии которого Кавказ, как известно, играл немалую роль: тут и “греко-кавказский миф”, по выражению А. Веселовского, о Прометее, который был прикован именно к Кавказским горам, и Колхида, кавказское побережье Черного моря, — это уже рядом с нашей “Атлантидой”, — и, соответственно, миф об аргонавтах.

Алексей Николаевич Веселовский, известный историк литературы, в исследовании “Прометей в кавказских легендах и мировой поэзии”, опубликованном в 1902 году в “Кавказском вестнике”, писал: “С тех пор, как легенда о Прометее подверглась впервые литературной обработке Гезиода, прошло двадцать шесть веков, но она все еще могущественно действует на человечество. Прометей — один из немногих его избранников, сочувствие к которым сопутствует мировой истории, — и, благодаря тому, что еще в отдаленной древности греческий миф о нем слился с преданиями народностей Кавказа о скованных титанах-страдальцах, во множестве вариаций повторялась повсюду, как нечто неизбежное, завещанное веками, именно *кавказская* обстановка мучений титана. На почве локализации предания сближаются такие крайности человеческого творчества, как кабардинские, осетинские или иные поверья... и просветленные гуманною мыслью и идеализмом художественные произведения Эсхила или Байрона”.

В том, что именно Кавказ был выбран греческими гениями местом страданий Прометея, есть свой глубинный смысл, который не исчерпывается наличием схожих легенд у кавказских народов — у черкесов, в частности. Этот древний сюжет, реализовавшийся именно в той части Кавказа, обращенной к Черному морю, которая впоследствии была населена адыгами-черкесами и абхазами и была прочно связана с греческим миром, бросает мрачный отсвет на последующую судьбу этих народов. Тем более что кавказские варианты мифа принципиально пессимистичнее греческих — страдания титана бесконечны и у него нет надежды на вмешательство героя-освободителя.

А. Веселовский формулирует важную для нас мысль: “Поразительная особенность Кавказа, которую можно было бы назвать бессмертием народной памяти или поэтическим консерватизмом, — умение в течение тысячелетий сберегать то, что некогда поразило народный ум или воображение, и, точно сохранив его в глубине своих ущелий, за твердыней гор, неприкосновенно передавать позднему потомству, ставит теперь лицом к лицу в мировой литературе обе эти противоположности...”

Это “бессмертие народной памяти”, не только поэтический, но и — глубже — психологический консерватизм, то, что сегодня можно назвать психологической стабильностью, цельностью и прочностью мировосприятия, — стало одной из фундаментальных причин трагедии Черкесии, когда, волею геополитических обстоятельств и логики развития империи, она оказалась в неразрешимом конфликте с могущественной Россией.

Мы не будем излагать здесь длительную и многосложную историю взаимоотношений черкесских племен с Московским государством. Можно только сказать, что в XVI—XVII веках, когда эти отношения были достаточно оживленными, ничто не предвещало драмы, разыгравшейся в XIX веке, предпосылки которой сформировались в веке XVIII.

Мифологическая Атлантида рухнула в океанскую пучину в результате грандиозного природного катаклизма.

Историческая Черкесия исчезла в результате катастрофы военно-политической.

До начала 1860-х годов адыги-черкесы (наиболее крупные племена: шапсуги, абадзехи, натухайцы, темиргоевцы, бжедуги, убыхи) населяли обширное пространство от Черноморского побережья до Прикубанья. Восточнее проживали адыги-кабардинцы. Как и об античной Атлантиде, о “Великой Черкесии” существует много мифов, но есть и несомненная данность — пространство обитания адыгских народов было пространством богатой и своеобразной культуры. Это был особый мир, производивший сильное впечатление на европейцев. Мир безжалостно и — как теперь очевидно — неоправданно разрушенный.

Трагедия такого масштаба заслуживает изучения внимательного и объективного, ибо уроки, которые можно извлечь из происшедшего, более чем актуальны. Не говоря уже о таком немаловажном понятии, как справедливость.

Что это была за культура?

В 2005 году вышло поразительное по своей смысловой и фактологической насыщенности издание, называющееся “Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-западного Кавказа в освещении русских источников”. Создал этот двухтомник знаток истории Кавказа вообще и Черкесии в особенности Самир Хотко. Это увлекательное и горькое чтение, ибо речь, как правило, идет о достижениях великой аграрной цивилизации, погибавшей на глазах русских исследователей.

Крупный ученый — ботаник, агроном, этнограф — Иван Николаевич Клинген, в конце XIX века изучавший природу разгромленной Черкесии, оставил убийственные свидетельства: “Весь восточный берег Черного моря и большая часть Батумского округа представляет из себя обширную пустыню с населением более редким, чем Сибирь. Природа здесь роскошна, как нигде в Европе, а климат по мягкости подобен климату Ривьеры. Растительность, сохраняя свою южнорусскую физиономию в северо-западной части, постепенно утрачивает ее при передвижении на юг, а за Сочи мало-помалу принимает субтропический характер... Под нею скрывается плодородная почва, нередко тучный чернозем, который обеспечивает урожаи самых прихотливых сельскохозяйственных растений, а массы воды дают огромные ресурсы для применения надпочвенного, подпочвенного и даже воздушного орошения. Но до последнего времени население побережья не прибавлялось, а скорее регрессировало, и колонии прозябали, а не процветали; ничтожная производительность земли, всюду жалкая культура, уныние в сердцах, вечные вздохи о покинутой родине, бедность, болезни, невозможные дороги, отсутствие мостов, общий упадок и одичание — вот что режет глаз на каждом шагу... В продолжение более чем четверти века испытаны всевозможные меры заселения, немало денег и энергии ушло на бесплодные попытки, а все же дело не продвинулось.

В чем же здесь тайна?”.

И честный ответ: “Исчезли горцы, но вместе с ними исчезло их знание местных условий, их опытность, та народная мудрость, которая у беднейших народов составляет лучшее сокровище и которой не должен брезговать даже самый культурный европеец. Горцы прекрасно умели возделывать всякого рода орехи, хурму, яблоки, груши, винную ягоду и, несмотря на закон, угощали европейцев прекрасным вином. На юго-востоке занимались

они хлопком, особый вид лебеды служил им для добывания селитры, а душистый мед тысячами пудов шел за границу. Их защитные насаждения вдоль рек, живые изгороди, лесные опушки кругом полей, древесные группы для затенения, воздушные силосы из листьев и ветвей — все вызывает одобрение агрономов. Веками выработанная система гигиенического режима для предупреждения от лихорадки, особый выбор мест для жилища, пользование водой, распределение работ по времени дня и по времени года в зависимости от вертикального профиля местности — все возбуждает удивление среди гигиенистов. Их плуги и рала, их выносливые горские семена были замечательно приспособлены к местным условиям. Скотоводство велось в огромных размерах, и из молочных продуктов готовился хороший и прочный сыр... Они ежегодно били до 500 000 баранов и продавали до 200 000 бурок. Масса тисового, пальмового и строевого леса грузилась на иностранные корабли. Еще в последней трети прошлого столетия (XVIII век. — Я. Г.)... общий вывоз товаров из Черкесии простирался, по тогдашним деньгам (считая один только таманский рынок и Каплу), до двух миллионов рублей. Из этого количества на долю одного восточного побережья приходилось около миллиона по нынешнему курсу”.

Итоговый вывод Клинген вписал курсивом: *“Удалив из страны черкесов в силу общих государственных соображений, мы взяли на себя тяжелый нравственный долг удовлетворить цивилизацию за утраченные силы и за погибшую культуру, которая копилась 3000 лет, а погибла в 30 лет под напором чудовищно-творческой силы природы, уже не сдерживаемой опытной и сильной рукой аборигена... Бессильны здесь огонь и меч, и не спасут никакие беспочвенные проекты, потому что погибли навсегда старые традиции и почти без следа исчезла старая культура”*³.

“Погибшая культура...”. “Исчезла старая культура...”.

Честный русский ученый нигде ни словом не говорит о “дикости” аборигенов, об этом любимом аргументе новых конквистадоров. Да и не только их. Демократ Добролюбов, сочувствуя горцам, писал, тем не менее, о необходимости “внушить диким племенам истинные начала образованности и гражданского быта”. За несколько десятилетий до Добролюбова железный республиканец и несгибаемый государственный Пестель аргументировал поголовное изгнание горцев с Кавказа и заселение его русскими крестьянами тем, что “полудикие народы” не могут рационально распоряжаться благами природы.

Таков был уровень осведомленности и неспособность понять ценность *другой культуры*.

Сведения о цветущем состоянии края приходят в некоторое противоречие со свидетельствами русских военных. Так, например, адмирал Серебряков, игравший одну из ведущих ролей в войне на Черноморском побережье и в прилегающих горах, назвал черкесов “стадом нищих дикарей”. (Правда, через некоторое время он изменил свое мнение.)

Это объяснялось двумя причинами. Во-первых, особым шиком среди горских удальцов, в том числе и имевших высокий социальный статус, было ношение драных черкесок при дорогом оружии. На русских офицеров, недостаточно знакомых с горским бытом и психологией, это производило странное впечатление. Во-вторых, и это главное, черкесы действительно постепенно нищали в результате карательных действий войск Кавказского корпуса. Это была сознательная стратегия, направленная на уничтожение посевов, угон скота, разрушение аулов, что приводило к массовому голоду и хозяйственному разорению.

Генерал Алексей Александрович Вельяминов, сподвижник Ермолова и одна из ключевых фигур Кавказской войны, писал гвардии полковнику Хан-Гирею, выходцу из адыгского племени бжегудов, направленному Николаем I уговорить черкесов подчиниться требованиям Петербурга: “Натухайцы, шапсуги и абадзехи до сих пор упорствуют в непокорности. Самая большая половина натухайцев и значительная часть шапсугов потерпели большие разорения в последние три года. Многие остались на прежних местах жительства, и как дома их сожжены, то живут в скудных шалашах. Другие переселились к абадзехам, к шапсугам, обитающим между Абином и Афипсом, и к народам живущим вдоль берега Черного моря между Геленджиком и Гагрою. Натухайцы, потерпев в прошедшую осень большую потерю в сене, как оттого, что сами зажгли его (чтобы не досталось русским. — *Я. Г.*), и оттого, что весьма много взято нашими войсками, продавали в течение зимы рогатый скот и баранов за бесценок”⁴.

Разумеется, цивилизация “Кавказской Атлантиды” не исчерпывалась процветанием сельского хозяйства во всех его видах, включая коневодство — черкесские кони чрезвычайно ценились, в частности, русскими офицерами.

В Черкесии были развиты изощренные ремесла — главным образом изготовление оружия высочайшего качества. Недаром Ермолов начал перевооружение войск Кавказского корпуса, заменяя традиционные сабли на горские шашки. В Черкесии до середины XIX века производились металлические доспехи для конных воинов, высоко ценимые далеко за пределами Кавказа.

Надо помнить о “военном отходничестве” черкесов. Военная культура Черкесии находилась на весьма высоком уровне, и наемники-черкесы играли значительную роль как в войнах между государствами Востока, так и во внутренних междоусобицах. Но военная и политическая история черкесов за пределами Черкесии — особый обширный сюжет, разворачивать который в данном сочинении нет возможности. Он подробно рассмотрен в фундаментальной “Истории Черкесии в Средние века и новое время”, написанной уже названным Самиром Хотко и выпущенной издательством Санкт-Петербургского университета в 2001 году.

Надо помнить и о горском фольклоре, и о своеобразной религиозной жизни.

При всем том не надо представлять себе Черкесию земным раем, население которого равно благоденствовало. То, что сегодня называется социальным расслоением, было присуще и Черкесии. Описывая быт “простых черкесов”, очевидно имея в виду зависимых крестьян, русский офицер Федор Федорович Торнау, проведенный более двух лет в плену у черкесов и соответственно имевший возможность подробно изучить их быт, вспоминал: “Дома без деревянных полов, недостаток белья, отсутствие теплых бань, существующих в изобилии у других восточных народов, и скудная нездоровая пища порождают между простыми черкесами неслыханную нечистоту и самые отвратительные кожные болезни...”⁵

Для того чтобы понимать судьбу Черкесии, надо, помимо всего прочего, представлять себе — как воспринимали горцев русские военные.

Генерал Григорий Иванович Филипсон, который впоследствии, как мы увидим, пытался предотвратить гибель “Кавказской Атлантиды”, прослуживший на Кавказе много лет и хорошо его знавший, писал в своих мемуарах: “Воровство и разбой, как в древней Спарте, были у черкесов в чести; позорно было только быть пойманным в воровстве”⁶. Под воровством здесь, естественно, подразумеваются не кражи в аулах, а набеги в поисках

добычи. Сопоставление со Спартой придает этой характеристике особый оттенок. Филипсон понимает особость мировидения другого народа, другой цивилизации, других нравственных мотивов.

Мотив “хищничества” проходит через все воспоминания старых кавказцев. Один из таких кавказских ветеранов, прослуживший на Кавказе четверть века и специально изучавший происхождение, быт и нравы горцев, Генерал Милентий Яковлевич Ольшевский, писал, в частности: “Чтобы оградить наши южные пределы, а в частности, Новороссию от хищнических набегов черкес, переводится на Кубань в 1792 году принесшее покорность Запорожское казачье войско... Цель наших действий со стороны Кубани заключалась сколько в охранении наших пределов от хищнических вторжений закубанцев, столько и в наказании их за такие хищничества”⁷.

Нравится нам это или не нравится — “набеговая система” была реальностью. Корни ее уходили глубоко в традиционный быт и психологию горского воина. Набег был важным элементом той картины мира, которая представлялась горцу справедливой и органичной. Целью набеге была отнюдь не только добыча — это был способ самореализации, испытание мужских качеств — храбрости, ловкости, хитрости. Известно, что юноша, не проявивший себя в набеге, отнюдь не был желанным женихом.

У меня в столе лежат несколько сотен рапортов офицеров Кавказской линии начала XIX века о горских набеге. Это было еще до того, как началось интенсивное завоевание.

Разумеется, взаимоотношения с разными черкесскими племенами определялись конкретными обстоятельствами. Ольшевский писал: “По Куржупсу и Пшехе, притокам Белой, Пшишу и Псекупсу, впадающим в Кубань, находились многочисленные и богатые поселения абадзехов — народа, с которым мы начали вступать в более частые столкновения только с пятидесятых годов. До того же времени, если и известны были нам, то только окраины абадзехской земли, изредка посещаемые нашими войсками. Сами же абадзехи не боялись нас, потому что, кроме труднодоступной местности, были защищены со стороны Лабинской линии храбрыми бесленеями, махошами, темиргоями и егерукаями, а со стороны Черномории бжедухами и гатюгаями или черченеями. Притом же, живя в довольствии, они не имели надобности заниматься хищничеством и добывать себе существование грабежом. Когда же пришлось абадзехам защищать собственные пределы, то они со времени заложения Майкопа и до своего падения дрались неустрашимо, мужественно и храбро.

Иными являются сопредельные абадзехам шапсуги, жившие между Шебшем и Абином. Они считались злейшими и опасными соседями черноморцев, и только пластунами сдерживались в своих хищничествах и разбоях в наших пределах. Шапсуги умели мужественно и стойко защищаться на своей земле, что доказывалось значительными потерями во всех случаях, когда нашим войскам приходилось с ними драться”⁸.

Отношение русских к горцам — причудливая смесь вражды и восхищения. Описывая казаков-линейцев, тот же Филипсон писал: “На конях горских пород, в красивом горском костюме, линейные казаки многое заняли от горцев: джигитовку, удалство и блестящую храбрость с театральным оттенком”⁹. То есть “удалство и блестящая храбрость” признается органичными качествами горцев.

Необычайно выразительное описание черкеса-воина оставил великолепно знавший Западный Кавказ Федор Федорович Торнау: “Одежда черкеса, начиная от мохнатой бараньей шапки до ноговиц, равно как и вооружение, приспособлены как нельзя лучше к

конной драке. Седло легко, покойно и имеет важное достоинство не портить лошади, хотя б оно по целым неделям оставалось на ее спине. Винтовку черкес возит за спиной в бурочном чехле, из которого он ее выхватывает в одно мгновение. Ремень у винтовки пригнан так умело, что легко зарядить ее на всем скаку, выстрелить и потом перекинуть через левое плечо, чтоб обнажить шашку. Это последнее, любимое и самое страшное черкесское оружие состоит из сабельной полосы, в деревянных, сафьяном обтянутых ножнах, с рукояткой без защиты для руки. Оно называется “сажеишхуа”, большой нож, из чего мы сделали название шашки. Шашка черкеса остра как бритва и употребляется им только для удара, а не для защиты; удары шашки большею частью бывают смертельны. Кроме того, черкес вооружен одним или двумя пистолетами за поясом и широким кинжалом, его неразлучным спутником. Ружейные патроны помещаются в деревянных гильзах, заткнутых на груди в кожаные гнезда; на поясе висят: жирница, отвертка и небольшая сафьяновая сумка со снадобьем, позволяющим, не слезая с лошади, вычистить и привести в порядок ружье и пистолеты... Свою лошадь он бережет пуще глаза... В деле черкес насккивает на своего противника с плетью в руке; шагах в двадцати выхватывает из чехла ружье, делает выстрел, перекидывает ружье через плечо, обнажает шашку и рубит; или, быстро поворотив лошадь, уходит назад и на скаку заряжает ружье для вторичного выстрела. Движения его в этом случае быстры и вместе с тем плавны”¹⁰.

В ходу у русских кавказцев была устойчивая формула “горское рыцарство”.

Сам факт пристрастия к черкесской одежде не только казаков, в некотором роде коренных жителей Предкавказья, но и офицеров, которые славились своей жестокостью по отношению к горцам, как, например, генерал Засс (о котором речь шла выше) и его окружение, говорит о многом. Дело, конечно, не только в функциональности черкесского костюма. Психологическая подоплека этого явления гораздо серьезнее (см.: Я. Гордин. “Русский человек и Кавказ” // Культура и общество. Вып. 2—3. 2006).

Парадоксальность отношения русских офицеров к горцам и самому процессу завоевания — его смыслу и нравственному аспекту — можно продемонстрировать на примере воспоминаний Михаила Ивановича Венюкова, в начале 1860-х годов, в период сокрушения Черкесии, командовавшего батальоном Севастопольского пехотного полка. Венюков впоследствии стал известным этнографом, писателем, сотрудничал в герценовском “Колоколе”, эмигрировал и писал свои воспоминания в Швейцарии, то есть не будучи стесненным никакой цензурой.

Взгляд этого образованного человека с широким кругозором, не солдафона и охранителя, на интересующую нас проблему очень показателен.

Вот как он описывает операцию по изгнанию горцев из родных мест: “Март месяц (1862 года. — Я. Г.) был роковым для абадзехов правого берега Белой, т. е. тех самых друзей, у которых мы в январе и феврале покупали сено и кур. Отряд двинулся в горы по едва проложенным лесным тропинкам, чтобы жечь аулы. Это была самая видная, самая “поэтическая” часть Кавказской войны. Мы старались подойти к аулу по возможности внезапно и тотчас зажечь его. Жителям представлялось спастись как они знали. Если они открывали стрельбу, мы отвечали тем же, и как наша цивилизация, т. е. огнестрельное оружие, было лучше и наши бойцы многочисленнее, то победа не заставляла себя долго ждать. По обыкновению, черкесы не сопротивлялись, а, заслышав пронзительные крики своих сторожевых, быстро уходили в лесные тущобы. Сколько раз, входя в какую-нибудь только что оставленную саклю, видел я горячее еще кушанье на столе недоеденным, женскую работу с воткнутою в нее иголкою, игрушки какого-нибудь ребенка, брошенные на полу в том самом виде, как они расположены забавлявшимся! За

исключением, кажется, одного значительного аула, население которого предпочло сдаться и перейти на равнинную полосу, отведенную для покорных горцев, мы везде находили жилища покинутыми и жгли их дотла”¹¹.

Перед этим аулы подвергались тотальному ограблению...

Судя по нарисованной Венюковым картине — брошенная сакля с детскими игрушками на полу (и восклицательный знак в конце фразы), — он сочувствовал людям, с которыми поступали столь безжалостно. Но и этот “корреспондент Герцена”, образованный человек “прогрессивных взглядов”, — он писал воспоминания через семнадцать лет, будучи, как уже говорилось, эмигрантом, — даже он в 1879 году считал изгнание горцев если и несправедливым, то рациональным. Это, увы, характерно для общественного сознания тогдашней России — в том числе для большей части ее интеллектуальной элиты, к которой Венюков, безусловно, принадлежал.

Однако, понимая неприглядность того, что он описывал и в чем сам участвовал, Венюков искал оправдание происшедшему прежде всего в неспособности черкесов к гражданскому бытию европейского типа: “Если бы теперь кто-либо из лиц, не видавших Кавказских гор в эпоху, предшествующую занятию их русскими, вздумал очертить быт тогдашнего их населения, то он бы не мог ничего лучше сделать, как перевести Тацитову “Германию” или даже те места из “Комментариев” Цезаря, которые относятся до германцев: до того сходство было велико. Разбросанные среди местных гор, по долинам и косогорам, небольшими аулами, а то и отдельными саклями из плетня, обмазанного глиною или из досок и бревен, жилища горцев самым расположением своим доказывали, что тут сильно развита индивидуальная семейная жизнь, но нет общественной, а тем более государственной. Ставленник Шамяля, Магомет-Амин, попробовал было водворить зачатки государственности у абадзехов, но не имел успеха... Читайте панегириста горцев Лапинского, и там не найдете доказательств, чтобы горцы в 1860-х годах были способны одни, сами по себе, образовать правильные гражданские общества... У них не было постоянных вождей; по крайней мере после Магомет-Амина их не было у абадзехов. Оттого-то граф Евдокимов, отдавая справедливость их храбрости, их рыцарской честности в некоторых случаях, называл их все-таки баранами, да еще такими, с которыми пастуху было бы много хлопот. Поэтому-то он и выгонял их в Турцию.

Я сейчас упомянул о горском рыцарстве. Оно проявлялось в многом, хотя бы, например, в честном держании условий о перемирии, не говоря уже о прославленном их гостеприимстве”¹².

Это важный и характерный пассаж, содержащий двойственный смысл. С одной стороны, и в самом деле, патриархальное горское общество не могло существовать вечно в окружении стремительно меняющегося мира. Но с другой — удивительно читать именно у этнографа Венюкова сетования относительно того, что черкесы не создают у себя в 1860-х годах “правильные гражданские общества” европейского типа. Как это ни странно, Венюков принадлежал к тем, кто не признавал смысла эволюционной органики, да еще в отношении принципиально консервативного горского менталитета. Сами того не подозревая, люди типа Венюкова исповедовали применительно к историческому процессу теорию катастроф Кювье.

Однако Венюков не мог не понимать, что доводы графа Евдокимова, им, Венюковым, разделяемые, выглядят не очень убедительно как обоснование чудовищной акции — изгнания из родных мест сотен тысяч людей. Он искал других оправданий.

Тут важно уже встречавшееся нам сопоставление ситуации с событиями античности. Если горцы — варвары-германцы, то Российская империя — Рим с его мощным цивилизаторским потенциалом. Взаимоотношения между Римом и европейскими варварами являли собой сложнейший и многообразный процесс, завершившийся образованием Священной Римской империи германской нации. Сопоставление, к которому прибегает Венюков, несомненно облагораживает политику российских властей на Кавказе.

Но Венюков считает необходимым усилить аргументацию. Говоря о переселении черкесов с гор на прикубанскую равнину, он предлагает читателю сильное, на его взгляд, сопоставление в пользу действий российских властей: “Факта, подобного этому, я не знаю в истории никакого государства, кроме России. Янки Соединенных Штатов выгоняют индейцев из гор, но лишь затем, чтобы их истребить. Англичане в Австралии, в Новой Зеландии истребляют туземцев и в горах, и на равнинах, иногда с ружьем и собакою, как зверей. Мы же долго боролись с черкесами как с равными противниками, и когда одолели их, то честно уступили им земли, которые могут служить предметом зависти для самых цивилизованных племен”¹³.

Никто не собирается оправдывать колониальную политику европейцев, хотя проблема “белые американцы — индейцы” гораздо сложнее, чем казалось Венюкову. В некоторых отношениях самосознание индейца принципиально напоминало самосознание кавказского горца — набег, война как высшая форма проявления человеческого духа, как способ выявления истинной ценности мужчины-воина.

Относительно качества земель, предложенных черкесам на кубанской равнине, существуют очень разные точки зрения. Но дело не в этом.

Венюков уехал с Кавказа в 1863 году и не был свидетелем событий, последовавших за разгромом Черкесии. Хотя некоторые сведения о происходящем у него имелись и они явственно противоречили предшествующим его утверждениям. Вслед за рассуждениями о благородстве российской политики по отношению к черкесам он писал: “Должно, однако, заметить, что граф Евдокимов, который, будучи непосредственным исполнителем официального “проекта заселения Западного Кавказа”, не слишком заботился об участии горцев, выселявшихся на прикубанскую низменность. Его твердым убеждением было, что самое лучшее следствие многолетней, дорого стоившей для России войны есть изгнание всех горцев за море. Поэтому на оставшихся за Кубанью, хотя бы и в качестве мирных подданных он смотрел лишь как на неизбежное зло и делал, что мог, чтобы уменьшить число их и степень для них удобства жизни”¹⁴. В частности, он своей волей отдавал отведенные горцам земли под казачьи станицы.

Но Венюков, писавший свои мемуары, как уже говорилось, в Швейцарии через много лет после событий, и не представлял себе, в каком положении оказались покорившиеся и не эмигрировавшие черкесы.

Сразу после окончания войны генерал-майор Ростислав Фадеев, теоретик и практик завоевания Кавказа, незаурядный имперский мыслитель, получил от великого князя Михаила Николаевича, наместника Кавказа и командующего Кавказской армией, задание обследовать закубанские округа и выяснить реальное положение оставшихся в России горцев.

Записка Фадеева, условно называемая “Дело о выселении горцев”, содержит немало точных наблюдений и жестких рекомендаций. Но и этот апологет империи и твердый

сторонник завоевания Кавказа ужаснулся увиденному: “Кроме распада общественного быта закубанские черкесы испытали в последнее время такое невероятное нравственное потрясение, что им уже невозможно от него оправиться, они отданы во власть России как малые дети. Понятия их до того спутались неслыханным разгромом, что они ничему не удивятся, что бы с ними ни сделали, и малейшее снисхождение примут как благодеяние. Едва веришь глазам, смотря, как черкес, несколько месяцев тому назад отчаянно прорывавшийся для грабежа сквозь тройной ряд военных линий, теперь на своей земле, в глухом лесу робко сторонится перед встречным крестьянином, мальчишка бьет его, и он не смеет отводить его ударов, чему я сам был свидетелем. Понимая бессилие свое для борьбы против русской империи, но не понимая еще своих прав русского гражданина, черкесы покорились постигшей их участи и безропотно переносят непрерывные притеснения и насилия от соседей своих казаков и всякого чужого человека. Даже глядеть они стали какими-то рабами польского пана. Подобной деморализации никогда не было видно. Все нынешнее закубанское туземное население составляет запуганную толпу, которой правительство может дать какое угодно направление... Нечего больше опасаться напуганных и истерзанных остатков черкесского населения”¹⁵.

Ужасающее положение оставшихся на Кавказе черкесов так поразило вовсе не сентиментального генерала Фадеева, что он постоянно возвращается к этому сюжету в своей записке: “Горцы до такой степени запуганы последними событиями, что не оказывают сопротивления никому и никогда, что бы с ними ни делали. Казаки же не великодушны, и с черкесами сбывается басня об умирающем льве; всякий их топчет. От безнаказанных убийств до мелких оскорблений, побоев, захватов отведенной им земли им пришлось много вытерпеть. Как казаки вне дома вооружены, а горцы безоружны, то первым легко позволить себе насилие; побить без причины горца для многих составляет забаву. Когда горец приходит в станицу для продажи своих произведений, казак дает ему, что хочет, половину, четверть того, что он требует, и затем гонит его вон... Захваты земли производятся также без зазрения совести не только казаками, но войсками, которые выкашивают у горцев покосы, как сделал ставропольский полк и многие станицы по Кубани и Лабее, или даже хлеба, отданные им начальством, как сделал крымский полк... Бывают насилия и покрупнее. Я слышал о многих случаях убийства и разбоя, совершенных казаками над горцами”¹⁶.

Фадеев, повторяю, был непреклонным имперским идеологом, необходимость и закономерность завоевания Кавказа не вызывали у него ни малейшего сомнения. Его невозможно заподозрить в желании “очернить” имперскую власть и казачество. Но он был при этом человеком благородным и порядочным.

В отдельных местах его записки прорывается сдерживаемое возмущение против самой власти: “Если правительству угодно изгнать остатки черкесского населения, то на это есть другие средства, без нарушения справедливости... Но если правительство не имеет в виду побуждать остальных черкесов к переселению, то необходимо оградить их на будущее время от притеснений соседнего населения”¹⁷.

Есть в записке Фадеева и сведения, ставящие под сомнение точку зрения Венюкова о благородном поведении власти в экономическом отношении: “Для прочного устройства абадзехов нужно еще несколько лет; они вышли из гор в таком состоянии нищеты, что половина их и теперь еще ходят почти нагие и не имеют никакого орудия, ни топора, ни лопаты для работы”¹⁸. Как мы знаем — при выселении аулы были ограблены...

Фадеев явно не был сторонником тотального изгнания черкесов и старается исподволь внушить высшей власти идею полезности горцев: “Поведение всего закубанского народа,

принявшего покорность, примерно... Общий голос без изъятия свидетельствует о хорошем поведении горцев”. И далее: “Если же правительство не имеет в виду систематического изгнания всех горцев, то ему нужно сказать только одно слово своим местным агентам и движение остановится... Они (черкесы. — Я. Г.) представляют теперь не воинственные племена, а рабочие руки, которых Россия не имеет в таком изобилии, чтобы без самой крайней надобности добровольно обращать возделанные и населенные земли в пустыни... Объезжая черкесские племена, я везде говорил горцам, что по русскому закону им всегда обеспечен в их нуждах доступ к Е. И. Высоч. и самому Государю Императору. Если б они могли в этом убедиться, то, без всякого сомнения, истерзанные остатки адыгского народа очень скоро стали бы полезными и мирными подданными русской державы”¹⁹.

Фадеев объезжал покоренные области сразу по завершении военных действий и добросовестно заблуждался относительно реальной позиции генерала Евдокимова, концепция которого стала определяющей. Власть предпочла обратить “возделанные и населенные земли в пустыни”...

Был ли возможен иной вариант? Был ли возможен на каком-то этапе противоборства компромисс, который позволил бы сохранить Черкесию в ее органичном виде, компромисс, который заменил бы катастрофу закономерной эволюцией и постепенным сближением культур?

Теоретически такой вариант был реален. Нужна была всего лишь трезвая оценка ситуации обеими сторонами, то есть именно то, что так редко случается в острых конфликтах между народами и государствами.

Здесь нет возможности представить сложную и обширную картину дипломатических контактов горских лидеров и русских генералов. Тем более что эта тема требует еще тщательного исследования.

Ограничимся несколькими эпизодами, касающимися именно Черкесии.

1837 год был насыщен попытками переговоров и на Восточном и на Западном Кавказе. В сентябре разгромленный и потерявший большинство своих сторонников Шамиль вступил в переговоры с командующим войсками в Северном Дагестане генералом Клюки-фон-Клюгенау и морочил прямому и доверчивому Клюгенау голову до тех пор, пока снова не собрался с силами.

За несколько месяцев до этого, в мае, в Черкесии происходили события более важные и характерные для ситуации в этой области Кавказа.

Готовился визит императора Николая I на Кавказ. Предварительно в Черкесию был отправлен, как уже говорилось, флигель-адъютант гвардии полковник Хан-Гирей, а кавказские генералы вели, так сказать, подготовительную работу.

Генерал Филипсон вспоминал: “На другой день по нашем приходе в Геленджик нам дали знать, что пятеро горских старшин приехали к аванпостам для переговоров с г. Вельяминовым. Это были пять стариков очень почтенной наружности, хорошо вооруженные и без всякой свиты. Они назвались уполномоченными от натухайцев и шапсугов. Вельяминов принял их с некоторой торжественностью, окруженный всем своим штабом. В этот только раз я видел на нем кроме шашки кинжал: предосторожность

далеко не лишняя после примеров фанатизма, жертвами которого сделались князь Цицианов, Греков, Лисаневич, князь Гагарин и многие другие.

Эта сцена была для меня новостью. Мне казалось, что тут решается судьба народа, который тысячи лет прожил в дикой и неограниченной свободе. В сущности это была не более, чем пустая болтовня. Депутаты горцев начали с того, что отвергли право султана уступать их земли России, так как султан никогда их землю не владел; потом объявили, что весь народ единодушно предложил драться с русскими на жизнь и на смерть, пока не выгонит русских из своей земли; хвалились своим могуществом, искусством в горной войне, меткой стрельбой и кончили предложением возвратиться за Кубань и жить в добром соседстве... Старик Вельяминов на длинную речь депутатов отвечал коротко и просто, что идет туда, куда велел Государь, что, если они будут сопротивляться, то сами на себя должны пенять за бедствия войны, и что если наши солдаты стреляют вдесятеро хуже горцев, то зато мы на каждый их выстрел будем отвечать сотней выстрелов. Тем конференция и кончилась²⁰.

Филипсон, конечно же, был не прав. В декларации горских старейшин был глубокий и роковой смысл. Из нее явствует, что в 1837 году черкесы очень смутно представляли себе возможности Российской империи и не были готовы даже к подобию компромисса. Со своей стороны кавказский генералитет вряд ли предполагал, что война продлится еще без малого тридцать лет, поглотит огромное число человеческих жертв и финансов. А потому еще менее, чем горцы, готовы были к серьезным переговорам.

Ситуация менялась постепенно — в зависимости от боевой обстановки. В среде генералитета постоянно боролись две тенденции — “ломить стеною”, не считаясь с потерями, постоянно демонстрировать горцам силу русского оружия или искать пути сближения — прежде всего экономического, доказывая горцам выгоду мирного сосуществования, а затем и вхождения в состав империи на взаимоприемлемых условиях.

В том же, 1837 году, когда Вельяминов отмел любую возможность компромисса с горцами, генерал Симборский, командовавший одним из отрядов на Черноморской линии, обратился к племени убыхов — воинственному и чрезвычайно авторитетному в Черкесии — с предложениями, утвержденными лично императором. Но этим условиям предшествовало послание самого Симбирского — ясный образец психологического давления и поисков мирного пути замирения черкесов: “Добровольное признание над собою власти Государя Императора сопрягается с неисчислимыми для вас выгодами и пользами, которые по милосердию и великодушию Его Императорского Величества польются на вас в той же степени, как на все благоденствующие под Его Державою народы. В жилищах ваших водворится мир и спокойствие, взаимные ссоры ваши и распри прекратятся, и благосостояние каждого будет умножаться произведениями труда его. Свободная торговля с Россиею нужными для вас товарами учредится по всему протяжению земли вашей, и в службе Государя Императора откроется обширное для вас поприще к приобретению богатства, почестей и славы”.

Далее шел чрезвычайно важный пассаж: “Между тем в домах своих вы будете управляемы по собственным нравам и обычаям, а вера ваша останется неприкосновенной святыней для русских властей”. Затем снова речь шла о гарантиях: “Жизнь и имущество останутся неприкосновенными, все преимущества, о которых уже говорено здесь, будут вам дарованы, свободная торговля с нами тотчас будет открыта, и произведения ваши мы будем покупать по ценам, которые вы сами назначите. Наконец, владельцы той земли, на которой будет построено наше укрепление, щедро будут за нее вознаграждены²¹”.

Это были очень недурные условия. Если учесть, что Черноморское побережье охранялось российским флотом и торговля с турками была затруднена, то возможность торговать с русскими имела для черкесов немалое значение.

Федор Федорович Торнау, как мы знаем, наблюдавший изнутри повседневную жизнь горцев, вспоминал, в частности: “Осенью тридцать седьмого года обе жены Алим-Гирея, его дочери и маленькие сыновья совершенно обносились, даже у моей приятельницы Аслан-Коз число рубашек и шаровар быстро уменьшалось. Богатый стадами, лошадьми и оружием, Алим-Гирей все-таки не имел средств купить им холста и самых простых материй для ежедневного употребления. Турки, доставлявшие горцам разный товар, не меняли его иначе как на девушек и на мальчиков”²².

Но акция Симборского не кончилась соблазнительными посулами. К его посланию были приложены условия “покорности”.

Условия эти, составленные в Петербурге, выглядели отнюдь не так привлекательно.

“Высочайше утвержденные условия для требования от горцев покорности.

1. Прекратить все враждебные противу нас действия.
2. Выдать аманатов по нашему назначению. Дозволяется через четыре месяца заменить их другими, но не иначе как по назначению Русского Начальника.
3. Выдать всех находящихся у них наших беглых и пленных.
4. Не принимать непокорных на жительство в свои аулы без ведома Русского Начальника и не давать пристанища абрекам.
5. Лошадей, скота и баранов, принадлежащих непокорным жителям, в свои стада не принимать, и если таковые где-либо окажутся, то все стада будут взяты нашими войсками и сверх того покорные жители подвергнутся за то взысканию.
6. Ответствовать за пропуск чрез земли их хищников, учинивших злодеяния в наших границах, возвращением наших пленных и заплатою за угнанный скот и лошадей.
7. Повиноваться поставленному от нашего Правительства Начальнику; и
8. Ежегодно при наступлении нового года должны они переменять выданные им охранные листы. Не исполнившие сего будут почитаться непокорными и не будут пощажены нашими войсками”.

Между обещаниями Симборского и ультиматумом Петербурга, как видим, была огромная разница. Горцам предлагалось отдать себя под постоянный и жестокий контроль, а главное — повиноваться “Русскому Начальнику”.

И тут надо вспомнить то, что было уже сказано о “бессмертии народной памяти”, о цельности и стабильности горского мировидения. Соглашаясь даже на смягченный вариант предлагаемых условий, они отрекались от многовековой традиции, которая была психологическим стержнем их существования. Им предлагали отказаться от мироустройства, которое они сами, их отцы, деды и самые отдаленные предки считали единственно правильным. Им предлагали отречься от самих себя.

В 1837 году, когда русская армия отнюдь не могла еще похвалиться успехами на Западном Кавказе, у сотен тысяч черкесов, профессиональных воинов, у “гарнизона естественной мощной крепости”, требования русских могли вызвать чувства от недоверия до презрения.

Именно презрением дышит ответ убыхов генералу Симборскому: “Если желаете ответа, то вот он: оставьте крепости, находящиеся на черкесской земле, перейдите за Кубань, и мы туда ходить не станем, вы же сюда не ходите. Тогда, если захотим, то будем жить с вами в дружбе. В письме вашем вы просили выдачи от нас аманатов и хотите поставить начальника над нами. Вы написали к нам довольно надменное и заносчивое письмо: кто над нами начальник и кто может давать нам приказания? Тем ли вы возгордились, что овладели на берегу моря клочком земли величиной с рогожу? Более мы к вам переговорщиков посылать не будем, и вы не посылайте; не пишите к нам более писем, а если вы это сделаете, то посланного убьем, письмо же разорвем в клочки”²³.

Натухайцы, шапсуги и абадзехи — самые многочисленные из адыгов — отвечали не столь радикально, но вполне решительно. Единственное, на что они были согласны, — мирное сосуществование в прежних границах.

В ответ на попытки русских отрядов закрепиться на берегу и в предгорьях объединенные силы черкесских племен в 1840 году фактически разгромили Черноморскую линию, взяв и разрушив четыре укрепления и вырезав гарнизоны в трех из них. В четвертом — Михайловском — защитники в последние минуты, когда горцы уже ворвались в укрепление, взорвали пороховой погреб, похоронив и остатки гарнизона и множество атакующих.

Укрепления были восстановлены. Гарнизоны их несли тяжелейшие потери не столько от пуль горцев, сколько от лихорадки. И через девятнадцать лет боевых действий, не принесших решительного успеха ни той ни другой стороне, генерал Филипсон заключил — в конце 1859 года — мирное соглашение с абадзехами, фактически на компромиссных условиях.

Суть этого соглашения воспроизвел в воспоминаниях Милютин: “В начале ноября явилась в лагерь (отряда генерала Филипсона. — *Я. Г.*) депутация от абадзехов с предложением условий *примирения*. Им объявлено, что требуется не примирение, а покорность, причем назначен срок для окончательного решения. К этому сроку неожиданно явился в Хамкетинский лагерь сам Магомет-Эмин в сопровождении большого числа абадзехских старшин с конвоем из 2 тыс. всадников. После продолжительных переговоров 20 ноября абадзехские старшины с Магомет-Эмином во главе принесли присягу покорности русскому царю с оговоркою, что народ абадзехский сохранит неприкосновенную веру, обычаи, земли и будет навсегда освобожден от податей и воинской службы”²⁴.

В Петербурге известие о присяге вызвало восторг. В этом событии увидели залог скорого замирения и остальных черкесских племен. Бяратинский был пожалован званием генерал-фельдмаршала, а Филипсон получил высокий орден Святого Александра Невского.

Кавказский генералитет в большинстве своем отнесся к соглашению скептически и несмотря на одобрение высшей власти не склонен был его выполнять. То, что для Филипсона было принципиальным этапом, для Бяратинского и Милютина являло собой тактический ход.

Не все просто было и с горской стороной.

Заключение мирных соглашений с горцами осложнялось тем, что не было единых представлений на этот счет не только между разными народами, но внутри одного народа. Ольшевский писал по поводу заключенного Филипсоном мира с абадзехами: “Этот мир не мог считаться прочным как не заключенный с общего согласия абадзехского народа, а был махинацией нескольких десятков влиятельных лиц, во главе которых стоял Магомет-Амин. Этот мир был не только стеснителен для нас, как не позволяющий действовать самостоятельно и сообразно с обстоятельствами, но был, по некоторым условиям, унизителен. Однако этот мир много способствовал к быстрой колонизации Западного Кавказа”²⁵. Соглашение давало возможность строительства новых станиц и — вопреки утверждениям Ольшевского — на некоторое время обеспечило нейтралитет абадзехов.

Анализируя возможности переговорного процесса, надо иметь в виду ожесточенность и жестокость Кавказской войны. Торнау выразительно и лапидарно очертил ситуацию: “Наши пограничные казаки, одетые и вооруженные совершенно сходно с горцами и не менее их привычные к войне, день и ночь караулили границу и, в свою очередь, столкнувшись с абреками, когда сила брала, истребляли их до последнего человека. Война велась со всем ожесточением народной вражды. Ни казаки, ни черкесы никогда не просили и не давали пощады. Не было ни средства, ни хитрости, ни вероломного обмана, считавшегося недозволенным для черкеса, когда дело шло убить русского, и для казака, когда предвиделась возможность подкараулить черкеса”²⁶.

Это, конечно, не вся правда. Было и парадоксальное явление куначества — побратимства людей, которые, казалось бы, должны быть врагами, и горское гостеприимство, распространявшееся на врага, и взаимное уважение противников.

Но мы сегодня с трудом осознаем степень жестокости этой войны и чудовищные формы ее проявления с той и с другой стороны.

Венюков свидетельствовал: “Нам... приходилось ходить на место неудачной битвы, чтобы подобрать тела убитых, которых сами участники боя не успели унести с собою. Тут я в первый раз увидел, как горцы “обещивают” тела гяуров, отрезывая некоторые органы и кладя их в рот убитым”²⁷.

Надругательства над телами врагов было обычным делом для горца-победителя.

Александр Михайлович Дондуков-Корсаков, кавказский ветеран, вспоминал: “Ожесточение их (солдат. — Я. Г.) дошло до последних пределов, когда, входя дальше в лес, они увидели изуверски изуродованные трупы товарищей, павших накануне, развешанные по всем деревьям проходимого ими пути”²⁸.

Но было и другое.

“Трофеями этого дня, — писал Филипсон, — было несколько трупов горцев, у которых отрубили головы, завернули и зашили в холст. За каждую голову Вельяминов платил по червонцу и черепа отправлял в Академию наук”²⁹.

Тот же Филипсон оставил, так сказать, живую зарисовку: “Засс, по обыкновению, приказал отрезать головы убитых и с этим трофеем возвратился в свой Прочный Окоп. Через год после того я встретил генерала Засса в Ставрополе. Он ехал в санях, а другие сани, закрытые полостью, ехали за ним. “Куда это, ваше превосходительство, и что вы

везете?” — “Еду, земляк, в отпуск и везу Вельяминову в сдачу решенные дела”. С этими словами он открыл полость, и я не без омерзения увидел штук пятьдесят голых черепов”³⁰.

Я привожу эти свидетельства для того, чтобы было понятно, в какой атмосфере делались попытки нащупать компромисс, в каком жестоком климате взаимной безжалостности решалась судьба народов и как искажены были представления о ценности человеческой жизни и человеческом достоинстве.

Впервые идея о выселении горцев Западного Кавказа была сформулирована еще в 1857 году начальником главного штаба Кавказского корпуса Дмитрием Алексеевичем Милютиным в специальной записке “О средствах к развитию русского казачьего населения на Кавказе и к переселению части туземных племен”.

Милютин, активный участник Великих реформ Александра II, отнюдь не был охранителем, реакционером. Это был скорее человек умеренно либеральных взглядов и высокой личной порядочности. Но политический либерализм в России прекрасно сочетался с имперской идеологией (см.: Я. Гордин. “Декабристы и Кавказ. Имперская идеология либералов” // “Империя и либералы”. СПб., 2001).

Милютин писал: “Необходимо переселить их на Дон, потому что в Ставропольской губернии нет свободных земель, что водворение их в тылу казачьего населения было бы неудобно и отклонило бы нас от главной цели, т. е. развития русского населения на северной покатости Кавказского хребта до решительного перевеса его над живущими там племенами азиатского происхождения. Не обращая там горцев в казаки, нужно устроить из них на Дону особенные поселения вроде колоний. Мы должны тщательно скрывать эту мысль от правительства горцев, пока не наступит пора для исполнения ее”³¹.

Командующий Кавказским корпусом князь Александр Иванович Барятинский, “коренной кавказец”, решительно поддержал своего начальника штаба: “Нет причины щадить те племена, которые упорно остаются враждебными, государственная необходимость требует отнятия у них земель”³².

Кавказский комитет в Петербурге, однако, не поддержал идею. В заключении комитета говорилось: “Глубокая привязанность к родине известна, а поэтому нельзя сомневаться, чтобы они не предпочли смерть водворению в степях Донской земли. Не только целые племена, но и одиночные семейства не решаются покориться на таких условиях, и применение предполагаемой меры повело бы не к покорности горцев, а к их истреблению. Кроме того, эта мера может повлечь за собою общее волнение и даже восстание самых мирных и преданных нам обществ”³³.

Это было за два года до пленения Шамиля и усмирения Восточного Кавказа — Чечни и Дагестана. Шамиль был еще силен. И государственных мужей в столице справедливо пугала перспектива тотального выступления всех горских племен против русских войск. Притом что наиболее трезвые из них понимали: Россия надрывается, ведя эту бесконечную войну. Статс-секретарь Александр Васильевич Головин писал Милютину в марте 1858 года: “Какое государство в мире в состоянии держать постоянно 300 тыс. войска на военном положении и терять в год постоянно по 30 тыс. человек? Какое государство может уделять шестую часть всего дохода на одну область?!”³⁴

Для того чтобы понимать стремление этой части элиты закончить Кавказскую войну любым способом, надо представлять себе финансовое положение империи после

царствования Николая I и Крымской войны, в частности. Тот же Головнин, прекрасно осведомленный о положении дел, писал Милютину на Кавказ в то самое время, когда Филипсон договаривался с абадзехами, — в ноябре 1859 года: “Если не будет принята целая система самых энергических мер, то государственное банкротство, т. е. потеря всякого кредита за границей и понижение на 50% и более ассигнаций, т. е. кредитных билетов в Империи, неизбежно. Это уже началось... Вы говорите, что Россия богата, что надо отыскивать новые источники дохода. Да, Россия богата, но в будущем и с условием затраты на нее капиталов, а их-то и нет, и некогда ждать будущих доходов, ибо надобно жить и платить долги. Россия — это огромное поместье, которое владелец получил с лесами, рыбными ловлями, минеральными богатствами в недрах земли, но без капиталов и с огромными долгами”³⁵.

Это был момент, когда Петербург готов был санкционировать компромисс. Черкесы не были к нему готовы.

Отчасти это объяснялось их туманными представлениями о возможностях империи, отчасти — ложными надеждами, которые внушали им английские эмиссары, надеждами на помощь европейских государств, в первую очередь Англии. Большинство кавказского генералитета во главе с Барятинским отчаянно противилось такому варианту.

Милютин вспоминал: “Мысль о поголовном выселении из гор всего туземного населения и занятия всей предгорной полосы сплошь казачьими станицами — вообще не одобрялась в Петербурге и вызывала сильные возражения... В отношении горцев говорили, что предположенная слишком жестокая мера доведет их до озлобления и отчаянного сопротивления”³⁶.

Выбор стратегии в конечном счете зависел именно от кавказского генералитета и той информации, которой он снабжал Петербург.

Тот же Милютин рассказал, как принималось в 1860 году роковое для черкесов решение: “Главным предметом совещаний был план военных действий в Закубанском крае. В этом вопросе существенно различались взгляды генерал-лейтенанта Филипсона и графа Евдокимова. Первый отстаивал мнения, изложенные в прежней его записке; основная мысль его заключалась в том, что горское население западной половины Кавказа совершенно отлично от населения восточной, что к нему вовсе не применим тот образ действий, который привел к таким успешным результатам в Чечне и Дагестане, что крутые меры против шапсугов и убыхов только вызовут вмешательство европейских держав, особенно Англии, которая не признает прав России на восточный берег Черного моря. По мнению Филипсона, следовало мерами кроткими при содействии Магомет-Эмина достигнуть на всем Западном Кавказе такой же степени покорности, какая уже была достигнута относительно абадзехов и натухайцев, стараясь упрочить нашу власть в этом крае только занятиями некоторых укрепленных пунктов, проложением дорог, рубкою просек, введением управления сообразно быту и нравам племен в духе гуманном, не препятствуя торговым сношениям прибрежных горцев с Турцией и т. д.

Нельзя не подивиться такому оптимизму Григория Ивановича Филипсона, тридцать лет прослужившего на Кавказе (именно в западной части его) и, стало быть, имевшего довольно времени, чтобы убедиться, как смотрят горцы на гуманность и кротость и как мало можно полагаться на их изъявления покорности”³⁷.

Думаю, что Филипсон отнюдь не был наивен, знал горцев не хуже своих оппонентов и никаких иллюзий не питал. Это явствует из его мемуаров. Он был стратегически мудрее

Милютин, не говоря уже о Евдокимове. Именно потому, что он четверть века прослужил на Западном Кавказе и понимал его особенность, он и хотел, чтобы черкесский мир стал составной частью общероссийского мира. Он прекрасно понимал все трудности и опасности этого пути, он знал все особенности горского характера. Но он был сторонником *процесса* с фундаментальными результатами, сторонником постепенной адаптации горцев к миру европейских представлений и поэтапного, а не одномоментного включения их в общеимперский организм или же полного, по возможности, изъятия их из подвластного России пространства.

Милютин вспоминал: “После Филипсона высказал свое мнение граф Евдокимов. Ему не стоило большого труда победоносно опровергнуть иллюзии бывшего начальника Кубанской области. С обычными ясностью, отчетливостью, простотой изложил граф Николай Иванович свой план действий, основанный на прежних предположениях, поддерживаемых самим главнокомандующим и состоящий в том, чтобы решительно вытеснить из гор туземное население и заставить его или переселиться на открытые равнины позади казачьих станиц, или уходить в Турцию... Само собой разумеется, что мнение графа Евдокимова взяло верх и предметом обсуждения оставались только способы исполнения его плана”³⁸.

В ясности и простоте плана Евдокимова заключалась и его сила, и его принципиальная порочность. Он давал несомненный тактический выигрыш. Во-первых, как представлялось, легко решалась проблема колонизации. Во-вторых, учитывался важный геополитический фактор, о котором говорили и думали все, кто занимался судьбой Кавказа. Фадеев в “Письмах с Кавказа”, публиковавшихся в “Московских ведомостях” в 1864—1865 годах, а затем вышедших отдельным изданием, писал: “Перевоспитать народ есть дело вековое, а в покорении Кавказа главным элементом было именно время, данное нам, может быть, в обрез, может быть, в последний раз, для исполнения одной из жизненных задач русской истории. Было бы чересчур легкомысленно надеяться переделать в данный срок чувства почти полумиллионного варварского народа, искони независимого, искони враждебного, вооруженного, защищаемого неприступной местностью, предоставленного постоянному влиянию всей суммы враждебных России интересов... В случае же войны Кавказская область стала бы открытыми воротами для вторжения неприятеля в сердце Кавказа”³⁹.

В этих опасениях был некоторый смысл. Во время Крымской войны, когда на театре военных действий у русского командования катастрофически не хватало войск, — франко-англо-турецкий экспедиционный корпус превосходил русскую полевую армию не только по качеству вооружения, но и численно, — на Кавказе стояло более двухсот тысяч закаленных солдат. Командование не решалось сколько-нибудь существенно ослабить Кавказский корпус, опасаясь массивного удара со стороны горцев в случае вражеского десанта на Черноморское побережье.

Однако опасения эти были преувеличены. Горцы не выступили не только из-за концентрации русских войск, но и потому, что сомневались в реальных возможностях Турции.

Их потенциальная агрессивность не в последнюю очередь была результатом полувековой политики империи. Хотя еще в конце 1830-х годов Николай Николаевич Раевский-младший, командовавший Черноморской линией, предлагал иные — компромиссные — варианты, построенные на уважении горских традиций и экономическом вовлечении горцев в отношения с российской властью.

Филипсон, служивший под командованием Раевского — он был у него начальником штаба, — в значительной степени развивал через двадцать лет идеи, воспринятые у своего командира и наставника.

Окончательно судьба черкесов была решена осенью 1861 года, во время поездки Александра II по Кавказу.

16 сентября император принял депутатов от абадзехов, убыхов и шапсугов. Милютин вспоминал: “Предстал перед русским Императором один из известной убыхской фамилии Берзеков... Он обратился к Государю с речью, а один из абадзехских старшин поднес от имени всего народа абадзехского адрес, в котором высказывалась в начале готовность войти окончательно в подданство русскому Императору, “соединиться с ним так, чтобы никогда уже не выходить из повиновения поставленному им начальству”; испрашивалось прощение прежних проступков, “совершенных по невежеству и притом в то время, когда они, абадзехи, были еще непокорными...”; но затем слышались такие условия: “оставить за ними в неприкосновенности все земли от р. Лабы до пределов абадзехской земли, от р. Кубани до земель шапсугов и от Гагры до пределов земли убыхов; не строить более на сказанных землях ни крепостей, ни укреплений, ни сел, ни деревень и не проводить дорог, которые вредят посевам хлеба, находящимся преимущественно вблизи дорог...”. В заключение испрашивалась “выдача пленных горцев и возвращение беглых холопов”. На этот адрес и на речь депутатов Государь ответил в немногих словах, что “примет покорность только безусловную, а устройство быта и судьбы народа поручил кавказскому начальству”, а потом указал горцам обращаться с их просьбами к графу Евдокимову”.

Реакция горцев была вполне предсказуема: “Горские депутаты уехали из лагеря крайне разочарованные и недовольные; ожидавшая возвращения их толпа, узнав об ответе “падишаха”, пришла в сильное волнение, и партия, клонившая дело к покорности, должна была умолкнуть. Убыхи и шапсуги постановили решение — продолжать войну с русскими до последней крайности; абадзехи же положили выждать еще до новых переговоров с графом Евдокимовым”⁴⁰.

Разумеется, попытки переговоров с Евдокимовым ни к чему не привели.

Так была упущена последняя возможность взаимоприемлемого компромисса.

Среди требований горцев было одно, на которое российские власти не могли пойти ни при каких обстоятельствах: “возвращение беглых холопов”. Проблема “холопов”, а попросту говоря, рабов была наиболее сложной даже при готовности сторон пойти навстречу друг другу. (А этого, увы, не было.)

Собиравший сведения о быте черкесов и вовсе не предубежденный против горцев Ольшевский, описывая положение “кавказских пленников”, рисовал весьма мрачную картину: “Сколько страданий, мучений, физических и нравственных, претерпевали эти несчастные со времени их пленения. Изнуренные тяжкими работами, обессиленные голодом и томимые жаждою, они подвергались поруганиям и побоям; их таскали от одного хозяина к другому, или напоказ толпе, на аркане; они ввергались в душные и грязные ямы, наполненные разными гадинами и нечистотами. Спасение пленника заключалось или в скором выкупе, или в промене его на других пленных, или в бегстве. Если же не являлась к нему эта помощь, то он, изнывая от страданий и мучений, преждевременно умирал. Но были и такие пленники, которые, принимая магометанство, вступали в брак с горянками, если таковые находились; а были и такие из них, которые, будучи не в состоянии дать за себя выкуп, оставались в кабале, и не переменив веры.

Такие несчастные с их потомством составляли “иессырей” или в полном смысле рабов, лишенных всякой свободы, и которыми помыкали хуже скотов. И где же существовало такое страшное рабство? В народе, дышавшем полную независимостью и свободой, который не допускал никакой посторонней силы и внешнего вмешательства”⁴¹.

Существует немало свидетельств о положении пленников и невольников у горцев. Они далеко не всегда совпадают.

Федор Федорович Торнау, как уже говорилось, много путешествовавший по Западному Кавказу в качестве разведчика и два года проведенный в плену у адыгов, испытал многое из того, о чем пишет Ольшевский. Но он сообщает и другие сведения: “Каждая услуга, оказанная седине, ставится молодому человеку в честь. Даже старый невольник не совсем исключен из этого правила. Хотя дворянин и каждый вольный черкес не имеют привычки вставать перед рабом, однако же мне случалось нередко видеть, как они сажали с собою за стол пришедшего в кунахскую седобородого невольника”⁴².

Судьба рабов оказывалась одним из камней преткновения в поисках компромисса между горцами и русской властью даже в самые благоприятные моменты. А после отмены крепостного права в России сохранить рабство на Кавказе было тем более нежелательно. Фадеев писал после своей инспекционной поездки: “Вообще у нас с самого начала не было обращено достаточного внимания на крепостное сословие, составляющее резкое отличие общественного устройства черкесов от других кавказских племен. В Дагестане рабы находятся только у ханов; в Чечне их очень мало; у закубанцев же они составляют треть населения”⁴³.

Социальная структура адыгского общества была сложнее, чем это представлялось внешним наблюдателям. Зависимый крестьянин и раб — разные социальные фигуры. Но факт существования рабства был несомненен, и русская власть вовсе не склонна была упускать такой козырь. И требование горских старшин вернуть “беглых холопов” и, таким образом, подтвердить законность и неприкосновенность рабства существенно подрывало их позиции.

Более того, русские власти предприняли ряд шагов, чтобы оторвать эту униженную часть горского населения от основной массы свободных черкесов. Как свидетельствует Венюков: “Чтобы привлечь возможно более мирных горских переселенцев на Кубань, был основан “вольный аул” где-то недалеко от станицы Баталпшинской: там могли селиться беглые горские ясыри (рабы), и правительство уже ручалось, что они никогда не вернуться под власть господ”⁴⁴.

Это имело и чисто практический смысл. Фадеев писал в своей “Записке”: “Черкесские крепостные народ не вооруженный, не умеющий стрелять и никогда не ходивший на войну. Как угнетенный класс, не знающий почти вовсе мусульманской религии, они не могли и не могут быть нашими врагами; против нас враждовали только свободные и воинственные сословия; но у нас всегда смешивали в одно всю массу черкесского населения. Позволяя выселяющимся в Турцию горцам уводить массу своих крепостных, мы лишаем себя рабочих рук, чрезвычайно трудолюбивых, смиренных, ни в каком отношении не опасных людей”⁴⁵.

И однако же встреча горских старшин с императором в сентябре 1861 года являет собой отнюдь не такой простой сюжет, каким он представлен у Милютина и многих других мемуаристов.

Венюков, уже в то время бывший не только строевым офицером, но и человеком, готовившим себя к трудам этнографа и историка, собиравший материалы для последующего описания событий на Западном Кавказе, оставил принципиально важное свидетельство. Сведения эти сообщены были ему конфиденциально абсолютно осведомленным человеком — генералом Николаем Николаевичем Забудским, начальником штаба войск Кубанской области, то есть правой рукой Евдокимова.

Вот как представляет подоплеку переговоров императора и горских депутатов Венюков: “Не могу не рассказать... одного важного исторического факта, известного очень немногим. Когда Государь прибыл на Кавказ, то охотно изъявил согласие на прием горских старшин, которые должны были заявить свои пожелания. Кажется, в то время в высших правительственных сферах не было решено, вытеснять ли горцев с их земель или оставить там, ограничась проведением через эти земли дорог и постройкою укреплений? Следующие слова официального “Обзора царствования императора Александра II”, изд. в 1871 году, заставляют думать, что правительство было склоннее на последнюю меру. Именно в “Обзоре” говорится: “Огромность жертв, которых требовал план изгнания горцев из их убежищ, и жестокость такой меры смущали энергию исполнения... Его Величество, принимая горских депутатов, предложил им сохранение их обычаев и имуществ, льготы от повинностей, щедрый обмен тех земель, которые отошли бы под наши военные линии, и требовал только выдачи всех русских пленных и беглых. Что же ответили горские старшины? На другой день они представили челобитную, в которой требовали немедленно вывести русские войска за Кубань и Лабу и скрыть наши крепости”. — Факт этот верен, да только в рассказе не договорено кое-что, что, может быть, было и неизвестно рассказчику и что именно я хочу здесь сообщить. После милостивого приема Государем депутатов граф Евдокимов сильно опасался, что горцы примут императорское предложение и останутся на своих землях под “покровительством” России, чего он никак не хотел допустить, порешив в своем уме выгнать их из гор всех до последнего. Зная легковерность азиатов, он командировал к ним ночью своего приближенного полковника Абдеррахмана и приказал ему внушить горцам, что они могут требовать теперь всего, даже удаления наших войск за Лабу и Кубань и срытия укреплений. Те поддались на коварный совет, и участь их была решена”⁴⁶.

Вся сумма свидетельств о ситуации, в которой принималось решение судьбы горцев, делает этот рассказ правдоподобным. Мы помним, в каком катастрофическом состоянии находились российские финансы, а стало быть, и экономика вообще. Александр II представлял себе, сколько еще человеческих и финансовых жертв потребует военная операция по усмирению черкесов, и, естественно, не обладая специфическим “кавказским патриотизмом”, особой “кавказской идеологией” — в отличие от Барятинского и Милютина, не имея личных счетов с горцами — в отличие от Евдокимова, он искал наименее болезненные пути разрешения конфликта.

Из вышесказанного ясно, что реализовавшийся трагический для адыгов исторический вариант не был неизбежен и детерминирован. Черкесия, черкесская цивилизация имела шансы сохраниться — в границах Российской империи — при всех издержках этого положения.

Сохранить прежний статус горцам не удалось бы в любом случае, но перед обеими сторонами конфликта — нападающей и защищающейся — стоял выбор: медленный и сложный процесс сближения или одномоментная акция, радикально меняющая положение вещей.

Состоялся второй вариант — катастрофический для горцев и, в конечном счете, далеко не лучший для России.

Ключевую роль в трагедии адыгов играл, безусловно, граф Евдокимов, человек по-своему глубоко незаурядный.

Ольшевский, близко знавший Евдокимова, оставил краткий, но весьма выразительный очерк его карьеры: “Николай Иванович Евдокимов, как говорится, был темного происхождения и воспитывался, как он и сам выражался, на медный грош. Сколько известно, его родитель дослужился до штаб-офицерского чина из простого звания; домашнее же его воспитание и школьное кавказское образование ограничилось знанием русской грамоты. Но, будучи от природы одарен положительным, здоровым умом, он успел усовершенствовать себя основательно в этой грамоте и приобрести достаточные сведения, касающиеся военного дела, потому что с первых дней своей службы умел рельефно выставить себя перед своими товарищами”⁴⁷.

Ольшевский несколько идеализирует ситуацию. Отец Евдокимова, взятый в рекруты из крестьян, “тянул солдатскую лямку” 29 лет и только тогда был за выслугу лет и исправную кавказскую службу произведен в прапорщики. Вряд ли он дослужился до штаб-офицерского чина. Евдокимов родился и вырос в глухих кавказских гарнизонах. Это был его мир. Другого он не знал до зрелых лет. Отчаянной храбростью он добыл себе после трех лет солдатской службы офицерский чин. Отчаянной храбростью и боевой находчивостью он обеспечил себе довольно быстрое продвижение по службе, что было возможно только на Кавказе. Он был дважды тяжело — только что не смертельно! — ранен. Один раз “пулей, попавшей под левый глаз и прошедшей через голову”. Он выжил и получил у горцев прозвище “трехглазый” — третьим глазом был глубокий шрам. Второй раз, уже будучи майором и приставом — начальником над Койсубулинским вольным обществом в Дагестане, он получил удар кинжалом в спину. Кинжал прошел насквозь, едва не задев сердце. Теряя сознание, Евдокимов успел шашкой разрубить нападавшего от плеча до середины груди. Его выходили подчиненные ему горцы.

С детства Евдокимов воспринимал горцев как угрозу, как врагов — явных или тайных, и, несомненно, ненавидел их. Кавказ был его миром. Горцы в общей картине этого мира были лишними.

Это был человек абсолютной суровости, если не сказать жестокости. Тот же Ольшевский рассказывал о действиях Евдокимова на последнем этапе войны на Западном Кавказе: “Если кавалерия не имела покоя и страдала от беспрестанных скачек, то пехота не имела отдыха от непомерных работ и караулов. Для нее не существовало покоя ни днем, ни ночью. Днем рубка леса, проложение дорог, устройство мостов, копанье рвов, насыпание брустверов, вязание туров или плетня; ночью — усиленные караулы по причине не вполне огороженной станицы и зачастую бдение всего гарнизона по случаю ожидаемого нападения.

Хотя солдаты сильно были изнурены и болели, однако работы не прекращались даже в годовые праздники. “Пусть умрут на работах!” — было девизом Евдокимова”⁴⁸.

В командовании Кавказской армии и в Петербурге знали, что Евдокимов не брезгует казенными деньгами, но его яростная боевая энергия, приносившая явные плоды, его истовая, а можно сказать, и фанатическая преданность идее завоевания Кавказа перекрывали в глазах высшей власти эти грехи.

Когда фельдмаршалу Барятинскому говорили о злоупотреблениях Евдокимова, он отвечал: “Вы говорите, что он свободно относится к казенному интересу. Пусть будет так... Но какой ущерб он может нанести казне? Ну, пусть будет полмиллиона, миллион, даже два миллиона. Ну, что значат два миллиона для такого государства, как Россия? А он мне Кавказ завоюет, и Россия сохранит этим сотни миллионов и десятки жизней русских людей”⁴⁹. Если это и апокриф, то весьма точно отражающий логику отношения вышестоящих к Евдокимову, солдатскому сыну, выслужившему не только чин генерала от инфантерии, но графское достоинство.

Беда лишь в том, что и после “замирения” Кавказ продолжал приносить одни убытки...

Фигура Евдокимова символична для последнего этапа Кавказской войны — вытеснения черкесского народа из родных мест. Та жестокость, с которой происходило это вытеснение, не в последнюю очередь определялась ведущей идеей командующего войсками на Западном Кавказе — пространство без горцев.

Здесь нет возможности и надобности подробно описывать сам процесс вытеснения. Лаконичное свидетельство Венюкова, уже приведенное ранее, достаточно красноречиво.

Если возвращаться к тому, с чего мы начали, — к проблеме геноцида, то нужно только представить себе чудовищную реальность исхода черкесов в Турцию, перед которой меркнут все обиды, нанесенные горцами сопредельному русскому населению, и все геополитические соображения.

Большинство черкесов — кроме наиболее знатных и состоятельных, заранее подготовивших свою эмиграцию, — отправлялись в Турцию нищими.

Автор классической работы “Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия” (Сухуми, 1982) Георгий Дзидзария писал: “Переселенцы вынуждены были за бесценок продавать свое имущество. Такое разорение было обусловлено тем, что турецкое правительство не разрешало горцам брать с собой в Турцию оружие и скот”. Уводить с собой скот не позволяло и русское начальство, да и переправить его в Турцию в любом случае было невозможно.

“Во-вторых, горцы не думали так скоро быть побежденными, откладывая распродажу своего имущества до последней минуты. Когда же пришлось нескольким сотням тысяч людей одновременно продавать свое имущество, цены упали до невероятного. Особенно много продавалось оружия и скота. Хорошего быка можно было приобрести за целковый, барана — за четвертак, обыкновенную лошадь с седлом и полной сбруей за пять рублей, а породистую — рублей за двадцать. Дорогие шашки в богатой оправе также отдавались за бесценок — то, что прежде ценилось в 200—300 рублей, теперь можно было купить за 30—40 рублей. За древний хороший клинок в свое время отдавали десятки рабов, сотни баранов, “теперь же все пошло прахом”. Старики, не желая продавать оружие, так долго служившее им, с каким-то немym отчаянием кидали его в море”⁵⁰.

Положение тысяч горцев, скопившихся на берегу Черного моря, — при том, что никакой рациональной системы их отправки в Турцию налажено не было, — оказались в ужасающем положении.

Трагедия разворачивалась на глазах многочисленных наблюдателей — и русских, и иностранцев, ошеломленных увиденным и оставивших соответствующие свидетельства: “Весь северо-западный берег Черного моря был усеян трупами и умирающими, между

которыми сохранялись небольшие оазисы еле живых, ожидавших своей очереди отправления в Транию”⁵¹.

Выполняя установку Евдокимова, черкесов гнали из родных мест, стремясь как можно скорее очистить горы, но при этом не было и малой доли судов — как турецких, так и русских, способных быстро перебросить эту огромную массу людей через море. Отсюда — мучительная жизнь на прибрежной полосе, голод, болезни...

Адольф Петрович Берже, официальный историк Кавказа, при этом объективный и порядочный человек, в 1864 году направлявшийся с Кавказа через Турцию в Грецию и в том же году возвращавшийся обратно, воочию убедился в безжалостности проводимой акции: “Следуя вдоль Анатолийского берега, я встречал их (переселенцев. — *Я. Г.*) во множестве в открытом море и был свидетелем их горестного положения в Батуме и Трапезунде. В ноябре того же года, на возвратном пути из Европы, я видел их при несравненно худшей обстановке в Рушук и Силистии. Но никогда не забуду я того подавляющего впечатления, которое произвели на меня горцы в Новороссийской бухте, где их собралось на берегу около 17 000 человек. Позднее, ненастное и холодное время года, почти совершенное отсутствие средств к существованию и свирепствовавшая между горцами эпидемия тифа и оспы делали положение их отчаянным. И действительно, чье сердце не содрогнулось бы при виде, например, молодой черкешенки, в рубищах лежащей на сырой почве, под открытым небом, с двумя малютками, из которых один в предсмертных судорогах боролся со смертью, в то время как другой искал утешения голода у груди уже окоченевшего трупа матери. А подобных сцен встречалось немало...”⁵²

Да, подобные свидетельства можно множить и множить.

“Поразительное зрелище представилось глазам нашим по пути: разбросанные трупы детей, женщин, стариков, растерзанные, полуобглоданные собаками, изможденные голодом переселенцы, едва поднимающие ноги от слабости, падавшие от изнеможения и еще заживо делавшиеся добычей гончих собак... Живым и здоровым некогда было думать об умирающих; им и самим перспектива была не утешительнее; турецкие шкиперы из жадности наваливали, как груз, черкесов, нанимавших их кочермы до Малой Азии, и, как груз, выбрасывали лишних за борт при малейшем признаке болезни... Едва ли половина отправившихся в Турцию прибыла к месту. Такое бедствие и в таких размерах редко постигало человечество”⁵³.

Суровый Ростислав Фадеев, изначально утверждавший, что земли черкесов России нужны, “а в них самих нет надобности”, с горечью признавал, что изгнание горцев было чревато “бесчисленными, бесчеловечными страданиями”.

Потряс его и еще один аспект происходящего — разгул работорговли: “За неимением денег или вещей расплата (за перевоз. — *Я. Г.*) происходила женщинами и детьми. Для черкешенок это было, впрочем, все равно, потому что в каком бы качестве они ни достигали турецкого берега, их потом все-таки гуртами отправляли на базар”⁵⁴.

Яков Васильевич Абрамов, уроженец Ставрополя, прославившийся как исследователь народных нравов и в особенности быта и идеологии сектантов, во времена выселения горцев был еще ребенком, но собственные детские впечатления и собранный материал легли в основу работы “Кавказские горцы”, опубликованной молодым исследователем в 1884 году в журнале “Дело”: “Горцы, уходя со своих мест поселения, покидали свои жилища, оставляя скот и запасы хлеба, а иногда и неубранные нивы. Сами же горцы, без

всякого имущества, скапливались частью в Анапе и Новороссийске, частью во многих мелких бухтах северо-восточного берега Черного моря, тогда еще не занятых русскими. Отсюда их перевозили в Турцию турецкие кочермы, а также отчасти заарендованные для этой цели русским правительством суда. Но так как всего этого транспортного флота было крайне недостаточно для перевозки почти полумиллиона человек, то массе горцев приходилось ждать своей очереди по полугоду, по году и более. Все это время они оставались на берегу моря, под открытым небом, без всяких средств к жизни. Страдания, которые приходилось выносить в это время горцам, нет возможности описать. Они буквально тысячами умирали с голоду. Зимой к этому присоединился холод. Весь северо-восточный берег Черного моря был усыпан трупами и умирающими, между которыми лежала масса живых, но до крайности ослабевших и тщетно ждавших, когда их отправят в Турцию”⁵⁵.

В вышеназванной книге Георгия Дзидзариани собран огромный материал, рисующий трагедию переселенцев-махаджиров.

Знал ли умный, интеллигентный, либеральный Дмитрий Алексеевич Милютин, в то время уже военный министр, проводивший прогрессивные реформы, чем обернулась для сотен тысяч горцев его любимая идея очищения гор от коренного их населения?..

Нет устоявшихся представлений ни о реальной численности адыгов перед изгнанием, ни о точном числе переселенцев. Скорее всего, на отведенные российской властью земли переселилось не более 8—10% от общего числа черкесов.

Отвечая на поставленные ранее вопросы — можно ли было избежать этой трагедии? возможен ли был компромиссный вариант, позволявший черкесам остаться на родной земле, находясь при этом под русским контролем? — надо уверенно ответить: да, трагедии можно было избежать, компромиссный вариант был возможен.

Я терпеть не могу пресловутой формулы: “История не знает сослагательного наклонения”. Любители этой формулы исключают само понятие ответственности за те или иные действия. Если в истории все жестко детерминировано, то с кого спрос?

Исторический процесс гораздо сложнее, чем некое однонаправленное действие, — он состоит из вариантов, из развилок, из ситуаций выбора.

Тот вариант судьбы черкесов и Черкесии, который избран был кавказским генералитетом, оказался стратегически порочным. Дело было не только в провале колонизации. Был не менее важный, хотя и менее заметный внешне нравственный аспект происшедшего. То, что произошло с черкесами-махаджирами, было для России опасным уроком бесчеловечности. Если сам факт завоевания Кавказа имеет свое объяснение геополитического характера, то степень жестокости, проявленная к уже побежденному, бессильному населению, не имеет ни объяснения, ни тем более оправдания.

Кавказская война была сложнейшим явлением, многообразно воздействовавшим на общественное сознание России. Через Кавказскую войну прошли сотни тысяч русских людей. Влияние Кавказа на русскую культуру в самом широком смысле еще не исследовано и не осознано.

Не обдуман и не осознан и тот урок безнаказанной бесчеловечности, который получила Россия на Западном Кавказе.

И еще одно: Российская империя лишила себя возможности обогатиться не просто лишними землями, но инкорпорировать своеобразную и мощную культуру, которая, сближаясь с русской культурой, обогатила бы ее представления о взаимоотношениях человека с миром, человека с человеком.

Теперь мы можем вернуться к проблеме, с которой начали, — к проблеме геноцида и ответственности за него.

В номере газеты “Черкесский конгресс” за апрель 2007 года опубликован ряд развернутых материалов на эту тему — статья “Почему мы требуем признания геноцида?”, большое интервью лидера “Черкесского конгресса” Адыгеи Мурата Берзегова. (Вспомним, что речь перед Александром II в 1861 году держал старейшина, носивший ту же фамилию.)

Суть проблемы сформулирована в двух ответах Мурата Берзегова: “Сегодня позиция Российской Федерации выглядит странной. Обозначая Северо-западный Кавказ — историческую Черкесию неотъемлемой частью РФ на основании правопреемственности от Российского Государства, которое колонизировало эту территорию, она отказывается нести юридическую ответственность за действия Российского Государства”.

На вопрос: “Допустим, Россия признает геноцид. Что дальше, что это вам даст?” — Берзегов отвечает: “Во-первых, самая существенная часть — материальная. Вопрос возвращения и обустройства желающих вернуться адыгов берет на себя федеральная власть. Во-вторых, воссоздается целостность адыгского этноса на своей территории. В-третьих, адыги должны получить в рамках своей исторической территории единое национальное образование — республику”.

Думаю, что здесь не все корректно с историко-юридической точки зрения. Я не уверен, что целостность территории, унаследованной государственной формацией от дальних предшественников, механически обязывает эту формацию нести ответственность за преступления, да и вообще действия “собирателей земель”. Если встать на эту точку зрения, то сегодняшняя российская власть должна нести юридическую ответственность не только за истребление и изгнание адыгов, но за все преступления российского самодержавия — а их было немало. Можно по-разному относиться к президенту Путину, но даже самые радикальные его противники вряд ли готовы возложить на него вину за расстрел 9 января 1905 года. Что было бы, если бы современная Ирландия потребовала компенсации от Англии за то, что в XVII веке Кромвель с неимоверной свирепостью подавлял мятежных ирландцев, применяя методы, которые можно уверенно охарактеризовать как геноцид? Что было бы, если бы сегодня Индия предъявила счет Англии за кровавое подавление восстания сипаев — в те самые пятидесятые годы XIX века, когда шла война на Западном Кавказе?

Когда речь идет о геноциде армян в 1915 году, то он осуществлялся в рамках единого социально-психологического пространства — между геноцидом и падением султаната прошло всего семь лет. Но, насколько мне известно, армяне, добившиеся признания факта геноцида, не требуют ни материальной компенсации, ни возвращения исконных армянских земель.

Я не уверен, что современная Россия, являясь преемницей СССР во многих — слишком многих! — отношениях, является и юридически правопреемницей Российской империи. Это вполне дискуссионный вопрос.

Если, как говорит Мурат Берзегов, преступления против человечества не имеют срока давности, то почему мы должны остановиться на XIX веке и не предъявить монголам и татарам счет за разрушение русских городов в XIII веке, за уничтожение населения?

В том, что я пишу, нет ни малейшей иронии. Трагедия адыгов — не предмет для иронизирования. Я только призываю к трезвой оценке реальной ситуации.

Да, факт геноцида против черкесского народа несомненен. И те, кто его отрицает, либо кривят душой, либо — что маловероятно — добросовестно заблуждаются. Даже те скромные сведения, которые приведены в этом очерке, говорят именно о геноциде. А в цитированной выше книге Г. А. Дзидзари собран обширный и стопроцентно убедительный материал на эту тему.

Я уверен, что российской власти необходимо официально признать факт геноцида. И это станет явлением мощной очищающей силы и, несомненно, благотворно повлияет на взаимоотношения власти и той части черкесского народа, сознание которой тяжко травмировано памятью о прошлом. И здесь снова хочу напомнить о формуле Веселовского, примененной им к особенностям горского сознания, — “бессмертие народной памяти”, напомнить о цельности исторического восприятия, свойственного народам Кавказа. *По глубоко моему убеждению, признание факта геноцида черкесского народа в шестидесятих годах XIX века было бы честным и плодотворным шагом со стороны российской власти.*

Но что дальше?

И во времена империи, и в советский период происходило грубое разрушение традиционного землевладения, переименование устоявшихся веками границ между территориями обитания кавказских народов. Для воссоздания целостной Черкесии в ее границах XIX века потребуется колоссальная территориальная ломка. К чему это может привести, мои собеседники из “Черкесского конгресса” понимают лучше меня. Передел территорий — это длительный, тонкий и чрезвычайно опасный процесс, который в ситуации напряженности, царящей нынче на Кавказе, вряд ли возможен. Ведь при этом необходимо учитывать интересы других народов, населяющих теперь территорию Черкесии.

Вряд ли Россия готова и может сегодня взять на себя финансирование массовой реэмиграции адыгов. Но не это главное.

Даже если, — как, я полагаю, вполне обоснованно утверждали мои собеседники, — на Западном Кавказе достаточно пустующих земель, захотят ли адыги, вернее потомки адыгов, укоренившиеся в разных странах, предпринять столь ответственный и рискованный шаг, как возвращение на родину? И если да, то — сколько их?

Практическое осуществление планов “Черкесского конгресса” вызывает массу вопросов и требует тщательной проработки на предварительном этапе.

Помимо всего надо учитывать настроения наиболее агрессивной части русского населения той же Адыгеи — достаточно почитать газету “Закубанье”. Надо учитывать далеко не простые взаимоотношения между закавказскими народами. Вспомним положение в Кабардино-Балкарии. Вспомним мучительный осетино-ингушский опыт.

Все это не значит, что не следует восстановить справедливость по отношению к черкесскому народу — в тех масштабах, в которых эта справедливость может быть восстановлена. Признание геноцида было бы первым шагом на этом пути, требующим большой, разумной и кропотливой работы.

Ничто так не оскорбляет сознание народа, как конъюнктурное искажение его истории. Об этом слишком часто забывают. Пример тому — разного рода празднования “добровольных вхождений”.

Путь к миру и справедливости на Кавказе лежит через историческую правду. В восстановлении правдивой картины кавказско-российского прошлого судьба черкесов — одна из наиболее тяжелых проблем.

1 Прочитанные строки принадлежат второй части трилогии Эсхила о Прометее. До нас дошла только первая часть — “Прометей прикованный” и небольшие фрагменты второй. Стихи, вынесенные в эпиграф, были включены Цицероном в его “Тускуланские беседы” и благодаря этому сохранились.

2 В этот день в столице Кабардино-Балкарии произошли масштабные вооруженные столкновения, подоплека которых чрезвычайно сложна.

3 Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-западного Кавказа в освещении русских источников. М., 2005. Т. 2. С. 7.

4 Цит. по: Я. Гордин. Кавказ: земля и кровь. СПб., 2000. С. 182. Комплект документов, относящихся к миссии Хан-Гирея, хранится в РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Ед. хр. 2176.

5 Ф. Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера. М., 2000. С. 245.

6 Цит. по: Осада Кавказа. СПб., 2000. С. 81.

7 М. Ольшевский. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003.

8 М. Ольшевский. Цит. соч. С. 488.

9 Осада Кавказа. С. 105.

10 Ф. Ф. Торнау. Цит. соч. С. 164.

11 М. И. Венюков. Кавказские воспоминания. // Русский Архив. 1880. Т. 1. С. 419.

12 Там же. С. 445.

13 Там же. С. 435.

14 Там же. С. 435.

15 Р. А. Фадеев. Собр. соч. СПб., 1890. Т. 2. С. 65.

16 Там же. С. 71.

17 Там же. С. 75.

- 18 Там же. С. 72.
- 19 Там же. С. 75.
- 20 Осада Кавказа. С. 110.
- 21 Кавказский сборник. Тифлис. Т. VIII, 1884, приложение. С. 10.
- 22 Ф. Ф. Торнау. Цит. соч. С. 246.
- 23 Кавказский сборник. С. 13.
- 24 Д. А. Милютин. Воспоминания. 1856—1860. М., 2004. С. 418.
- 25 М. Ольшевский. Цит. соч. С. 518.
- 26 Ф. Ф. Торнау. Цит. соч. С. 141.
- 27 М. И. Венюков. Цит. соч. С. 417.
- 28 Осада Кавказа. С. 474.
- 29 Там же. С. 105.
- 30 Там же. С. 83.
- 31 Цит. по: Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995. С. 66.
- 32 Там же. С. 67.
- 33 Там же. С. 67.
- 34 Цит. по: Д. А. Милютин. Воспоминания. 1856—1860. М., 2004. С. 198.
- 35 Д. А. Милютин. Воспоминания. 1860—1862. М., 1999. С. 488.
- 36 Д. А. Милютин. Воспоминания. 1856—1860. М., 1999. С. 417.
- 37 Там же. С. 474.
- 38 Там же. С. 475.
- 39 Р. А. Фадеев. Письма с Кавказа. СПб., 1865. С. 75.
- 40 Д. А. Милютин. Воспоминания. 1860—1862. С. 148.
- 41 М. Ольшевский. Цит. соч. С. 496.
- 42 Ф. Ф. Торнау. Цит. соч. С. 127.
- 43 Р. А. Фадеев. Письма с Кавказа. С. 68.

- 44 М. И. Венюков. Цит. соч. С. 435.
- 45 Р. А. Фадеев. Собр. соч. Т. 2. СПб., 1890. С. 68.
- 46 М. И. Венюков. Цит. соч. С. 416.
- 47 М. Я. Ольшевский. Цит. соч. С. 413.
- 48 Там же. С. 539.
- 49 Полководцы, военачальники и военные деятели России в “Военной энциклопедии” И. Д. Сытина. СПб., 1996. С. 144.
- 50 Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. С. 221.
- 51 Там же. С. 220.
- 52 А. П. Берже. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. Т. XXXIII, январь. С. 170.
- 53 И. Дроздов. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник. 1877. Т. 2. С. 548.
- 54 Р. А. Фадеев. Собр. соч. Т.1. Ч. 1. С. 203.
- 55 Цит. по: Г. А. Дзидзария. Цит. соч. С. 220.